Гендерная картина мира в контексте современного гражданского общества

Е. В. Андриенко¹, И. М. Горбачева²

¹ *Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

elena_andrienko8@mail.ru

Излагаются результаты философского исследования проблемы гендерной картины мира в контексте современного демократического развития общества. Сделан акцент на понимании гендерной картины мира как подсистемы общественного мировоззрения, в основу которой положена категоризация явлений, предметов и связей реальной действительности на базе бинарной оппозиции «маскулинное — фемининное». Сделан вывод о том, что построение развитого гражданского общества невозможно без формирования адекватной гендерной картины мира и гендерной культуры, подразумевающей комплексный подход к решению назревших гендерных проблем.

Ключевые слова: гендер; гендерная картина мира; маскулинность; фемининность; современное общество; политика; ценности; культура.

Gender Worldview in the Context of Modern Civil Society

O. V. Andriyenko¹, I. M. Gorbacheva²

¹ *Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

elena_andrienko8@mail.ru

The authors undertake the philosophical inquiry of the problem of gender worldview in the context of modern democratic development of society. They did lay emphasis on the idea that gender worldview is a subsystem of the social world outlook, which includes a vision of reality where things, properties and relationships are categorized using binary oppositions (masculine and feminine origins). The authors have concluded that developed civil society building is impossible without the formation of an adequate gender worldview and gender culture which implies an integrated approach to solving pending gender problems.

Keywords: gender; gender worldview; masculinity; femininity; modern society; politics; values; culture.

Формирование гендерной картины мира представляет собой важный аспект бытия современного гражданского общества. Интерес к изучению данного феномена во многом обусловлен активизацией гендерных исследований в культурологии, психологии и лингвистике. При этом приводятся

различные определения данного понятия, суть которых можно свести к следующему: *гендерная картина мира — это система социокультурных представлений, отражающих такой способ взгляда на мир, при котором предметы и их свойства, а также их взаимоотношения систематизируются в сознании*

субъекта в соответствии с бинарной оппозицией «мужское — женское» [1]. Интерес к гендерной проблематике глубоко затрагивает различные слои сознания современного общества. Предположительно, отчасти это является реакцией на нарастающую тенденцию к распространению стиля унисекс и стиранию различий между полами под лозунгами борьбы за равенство. Характерных примеров проявления рассматриваемого интереса в массовой культуре российского общества можно назвать множество: такие журналы, как «Натали» или «Космополитен» (с обязательной рубрикой психологических советов о том, как стать «настоящей женщиной»), многочисленные «женские» (реже — «мужские») психологические тренинги, телевизионные программы с четко обозначенной целевой аудиторией («Бабий бунт», «Мужское — женское») и т. п.

Термин «гендерная картина мира» функционирует в общественно-гуманитарной сфере научного знания относительно недавно, но уже стал весьма распространенным (в частности, он употребляется в работах И. Булычёва [1], С. Виноградовой [2], В. Менделевича [3], А. Минделла [4; 5], О. Овчаровой [6], Н. Орловой [7], Л. Семёновой [8] и других авторов) и активно используется при анализе гендерных отношений в обществе. Нами предпринято философское исследование обозначенного им феномена в аспекте развития современного гражданского общества.

По поводу соотношения понятия гендерной картины мира с другими философскими понятиями, например мифологической, религиозной и научной картин мира, следует отметить: оно не тождественно ни одному из них, поскольку гендерная картина мира выступает интегративным феноменом, включающим в себя элементы всех перечисленных. В свою очередь, она существует как подсистема общественного мировоззрения — более сложного и многоуровневого феномена. Соответственно понятие «мировоззрение» более широкое, чем понятие «гендерная картина мира».

Функциональное предназначение картины мира всегда состоит в том, чтобы служить зеркалом, отражающим личностное видение реальности и места субъекта в ней. Изменения в картине мира сигнализируют об изменениях в бытии самого человека, выступающего ее носителем. Само появление термина «гендерная картина мира» говорит об актуализации вопроса гендерных отношений в современном обществе, о необходимости структурирования накопленного в данной сфере опыта и информации.

Гендерная картина мира детерминируется *типом социализации*, принятым в обществе на определенном этапе его исторического и социокультурного развития. В аспекте гендерной проблематики можно выделить два основных типа социализации личности: *эгалитарный*, присущий большинству современных стран Запада, и *патриархальный*, связанный с мировоззренческими установками традиционных обществ (он также может быть отнесен к странам постсоветского пространства). Биологическая принадлежность индивида является первостепенной именно для патриархального типа. Кроме того, для данного типа характерны акцент на биологически детерминированных представлениях о разделении труда, идея взаимной дополняемости полов и закрепления гендерного поведения, интересов и социальных ролей. Главный недостаток традиционного патриархального подхода к социализации личности в том, что он не учитывает разнообразие ни общественных практик современного мира (постоянно расширяющихся благодаря достижениям научно-технического прогресса), ни, соответственно, конкретных ситуаций, в которые может попадать человек на протяжении жизни.

Эгалитарный тип социализации является альтернативным путем, призванным наиболее полно воплотить принципы гуманизма и демократии на практике. Базовые основания данного типа социализации Л. Семёнова сформулировала следующим образом: отказ от системы воспитания, строящейся на гендерном разделении субъектов,

и от самой идеи существования «особого предназначения» того или иного гендерного типа; повсеместное практическое воплощение принципов гендерного равенства в различных социокультурных сферах; обеспечение субъекту свободы выбора его социальных ролей и поощрение его индивидуальных интересов, к которым пол не имеет прямого отношения; поддержание факторов внешней социокультурной среды, способствующих максимальному разнообразию самопроявления личности в общественной жизни, независимо от пола [8, с. 144].

При этом даже в вопросе борьбы за равные права и возможности граждан в современном обществе важно избегать крайностей. Как справедливо отмечает И. Булычёв, однозначно отрицательные медицинские и социальные последствия имеет практически полное снятие на всем постсоветском пространстве ограничений на участие женщин в опасных для здоровья будущей матери отраслях общественной деятельности (не только в области производства, но и, например, в сфере вооруженных сил или большого спорта) [1]. Как бы сильно ни была развита технология гендерных трансформаций, даже если они происходят под лозунгами демократии и гуманизма, слияние двух полов в один не реализуемо на практике, поскольку в их различии содержится «момент абсолютности». Единство и дихотомия двух полов (или гендерных измерений) обеспечивает прогресс социальной системы. При этом в развитом гражданском обществе акцент в гендерных отношениях должен делаться не на противопоставлении, а на сотрудничестве и взаимодополнении противоположностей. Хотя нельзя исключить и смещение маятника гендерных отношений совсем в иную сторону и выделение в обществе четырех, шести или даже больше гендерных идентичностей (Дж. Лорбер, С. Фаррелл и др.).

Одним из аксиологических оснований гендерной картины мира служит то, что гендерные отношения — это социокультурно сформированные мировоззренческие взгляды, впоследствии влияющие на многие

сферы общественного бытия, например такие, как право, власть и международная политика. В странах, относящихся к западной цивилизации, общественное мнение определяло политику как сферу деятельности «белого западного мужчины». Пример стойкости данного стереотипа являет Куба — полиэтническое государство, где многие особенности западной цивилизации, в том числе сексизм и расизм, значительно смягчены в сравнении с Американским континентом. Начиная с 1933 г., с прихода к власти Ф. Батисты, и многие годы спустя кубинская общественность возмущалась тем, что впервые в истории страны у власти оказался «цветной». А когда 1 января 1959 г. в Гавану триумфально вошел Ф. Кастро (отличавшийся «безупречно белым» происхождением), многие кубинцы расценили это как приход «великой белой надежды», а самого Кастро — как человека, который «избавит их от неотесанного “цветного” мерзавца, незаконно стоящего у власти уже много лет» [9, с. 62].

Современные концепции феминизма стремятся к изменению стереотипа о власти как сфере монопольного доминирования «западного белого мужчины», критикуя не только расизм и сексизм, но и само понятие о государстве и роли женщины во власти.

Хотя феминизм как маргинальный и междисциплинарный дискурс с самого начала был тесно связан с либеральными теориями, позднее в вопросах участия женщин во власти он стал переходить на радикальные позиции. В качестве основного предмета критики радикальные феминисты избрали патриархат как мировоззренческую систему и форму общественных отношений, основанную на физической силе и доминировании. Если для либерального направления феминизма государство выступает нейтральным общественно-политическим институтом, из которого женщины некогда были исключены, то радикальным феминистам государство представляется аренной борьбы за реализацию исключительно мужских интересов. Согласно радикальной

феминистической концепции, общество возникло как результат солидарности мужчин и определенного распределения социальных ролей: женщинам принадлежит монополия на вопросы воспроизводства, мужчинам — на установление общественного порядка. Женщины при этом не допускаются к властным ресурсам и вся публичная сфера общественной жизни полностью находится под управлением маскулинных ценностей и интересов.

В радикальных феминистических концепциях чаще всего используется понятие «транснациональный», а не «международный», поскольку именно транснациональность лучше отображает сущность общественно-политического неравенства и отношений доминирования в современном мире. Как пишет С. Виноградова, феминисты исходят из того, что международное устройство зиждется на иерархических отношениях государств и индивидов, а изменить его можно путем эмансипации женщин и расширения их участия в мировой и национальной политике [2, с. 58]. Тогда, как подчеркивалось нами ранее, «в обществе установятся более гуманные отношения, которые будут направляться такими гуманистическими ценностями, как мир, экономическое и экологическое благополучие и уважение прав человека» [10, с. 8].

Поскольку ресурсов одного государства недостаточно для того, чтобы гуманизировать общество и исправить гендерную асимметрию в политической и других социальных сферах, эти вопросы (согласно многим современным феминистическим концепциям) должны решаться на транснациональном уровне.

Гражданское общество современности — это практически всегда общество, в котором доминируют глобальные демократические ценности. Одним из распространенных типов «транснациональной демократии» выступает «космополитическая демократия» [2]. Практическое функционирование такого типа демократии напрямую зависит от успешности решения вопросов равных прав граждан, в том числе

их гендерного равенства. Космополитизм, по сути, является системой взглядов, признающей всех членов человеческого общества равными, независимо от национальности, пола, возраста и иных отличий. При этом транснациональный феминизм также основывается на различных формах доминирования, поэтому едва ли может служить идеальной моделью формирования гендерной картины мира.

Многое в понимании роли феминизма как борьбы за равные права представителей различных гендерных типов обусловлено экономическим статусом отдельно взятой страны. Так, для экономически не вполне развитых стран дискуссии об эмансипации и государственной независимости протекают в контексте стремления найти пути решения проблемы бедности. Вместе с тем в экономически развитых странах активисты феминистического направления все чаще подвергают критике государственный суверенитет как таковой и оспаривают его важность как демократической гражданской ценности [2].

Взглядам радикального феминизма на власть и государственный суверенитет соответствует, в частности, концепция «глубокой демократии» американского исследователя А. Минделла [4; 5]. По его мнению, в обществе существует универсальное психологическое поле (*dreambody*), в котором действуют люди. Поскольку каждый человек выступает частью единого поля, все его мысли и поступки оказывают определенное (пусть и микроскопическое в общем масштабе) влияние на всё поле. Отсюда для развития гражданского общества важно стремиться к укреплению прав и конструктивного влияния на политическую и социальную жизнь каждого человека, независимо от гендерной принадлежности. Согласно А. Минделлу, социальные поля не ограничены ни пространством, ни временем. Более того, каждое общественное образование (нации, гендерные группы, религиозные движения, общественные организации) имеет свои психологические паттерны, которые передаются их участникам

бессознательным путем. Здесь можно провести определенные параллели между концепциями А. Минделла и В. Вернадского (учением о ноосфере). В воззрениях на развитие гражданского общества у Минделла доминирует идея о необходимости повышения духовной активности каждой личности: она должна осознавать, что мир — это место самореализации для каждого человека. Сфера мировых политических проблем не является прерогативой членов элитарных групп, а ситуации, затрагивающие масштабные социальные образования, весьма подобны тем, что возникают в малых группах и в жизни отдельных индивидов. Хотя такой «демократический самоменеджмент» в абсолютизированной форме представляется маловероятным, из концепции Минделла можно вычленить важную рациональную идею. Развитие гражданского общества будет более совершенным и прогрессивным, если каждый его член, независимо от гендерной принадлежности и иных социальных различий, будет развивать свою социальную ответственность и уровень осознанности влияния своих действий в социально-политической сфере.

Несмотря на рост интереса к гендерной проблематике как в России, так и за рубежом, во многих сферах общественной жизни, включая политику, проявляется проблема острой гендерной асимметрии. Как справедливо указывает О. Овчарова, гендерная асимметрия в сфере политики — исторически сконструированный и перманентно повторяемый во времени процесс [6, с. 7]. Это дает основания рассматривать иерархию гендерных отношений как одно из проявлений исторической памяти общества.

В качестве специфических маркеров общественных отношений в различных сферах, включая гендерную, можно рассматривать пословицы и поговорки. В работе [10, с. 7] приведены наиболее показательные из них, по-прежнему распространенные в русскоязычной среде. По утверждению исследователя этнопсихологии В. Менделевича, эти пословицы «отражают

традиционный [славянский] взгляд на место женщины в жизни, а значит и на оцениваемые как нормативные стереотипы поведения русской женщины: покорность, непоследовательность, зависимость» [3, с. 202]. Исходя из этого контекста, выбор активной социальной позиции женщинами может восприниматься в отечественном социокультурном пространстве как форма девиации. Но нельзя не учитывать фактор глобализации современного мира, а также то, что темп жизни и, соответственно, социальных изменений постоянно увеличивается, что неизбежно отображается в общественном мировоззрении. Доминирующий тип гендерных отношений, символически представленный на большей части социокультурного постсоветского пространства, — это работающая женщина, одновременно играющая роли жены, матери и хозяйки дома [7, с. 110]. В данном случае женщина не изолирована от общественной жизни, тем не менее высшие профессиональные достижения и административные должности воспринимаются как прерогатива мужчин.

Так или иначе стереотипы, существующие в современном гражданском обществе, глубоко проникли в ткань политического взаимодействия, поэтому гендерная асимметрия современности выступает прямым следствием устоявшихся мировоззренческих конструктов прошлого. Но, на наш взгляд, будет ошибочно считать, что данную ситуацию нельзя изменить. Историческая память общества — динамический феномен, детерминируемый многими факторами, среди которых складывание новых гендерных стереотипов и мировоззренческих конструктов, гендерное образование как средство формирования гендерной культуры социума, общественная и государственная поддержка женских движений, изменение повседневных гендерных практик, пропаганда гендерного равенства в СМИ, учреждениях воспитания, образования и т. д. Это дает все основания ожидать в ближайшем будущем если не полной ликвидации гендерной асимметрии, то по меньшей мере значительного ее уменьшения.

Важно осознать, какие трансформации гендерной культуры произошли за последние несколько десятилетий в российском обществе. Если типичные черты «деловой женщины» советского периода воплощал образ Л. П. Калугиной из кинофильма «Служебный роман» (т. е. фактически субъект, полностью лишенный женственности, синий чулок), то на современном этапе в общественном сознании закрепился и транслируется через различные информационные ресурсы совершенно другой образ женщины. Она независимая, амбициозная, сексуально привлекательная, образованная, яркая и сильная, стремящаяся на равных условиях конкурировать с мужчинами в борьбе за блага и ресурсы. Этот новый образ женщины сформировался под влиянием космополитических и феминистских идеалов нового тысячелетия. Но данную гендерную модель, как и все новое, весьма трудно реализовать на практике в социальном контексте российского общества. Одна из острых его проблем — кризис семьи. Многие женщины сознательно отказываются от семейных отношений и рождения детей, стремясь сосредоточить все силы на построении карьеры. Вместе с тем неправомерно видеть истоки кризиса семьи только в трансформациях идеалов женственности и гендерной картине мира в целом. Спектр причин данного кризиса крайне обширный и затрагивает как систему общественного сознания, так и экономические, информационные, экологические и многие другие аспекты. Перед российским обществом по-прежнему стоит задача переосмысления сложившейся гендерной картины мира и формирования нового образа женщины как полноправного члена гражданского общества, способного к социальной активности, реализации своих наклонностей и потенциала и при этом сохраняющего традиционные ценности, связанные с семейными отношениями.

Формирование гендерной культуры гражданского общества включает в себя следующие основные аспекты: акцентирование общественного внимания на вопросах ее формирования в образовательных учреждениях; долгосрочное планирование сбалансированного

развития гендерной культуры социума; противостояние росту сексистских настроений; предоставление женщинам более широких возможностей реализации в различных сферах общественной жизни; более системная поддержка женских движений органами власти; обеспечение более широкого представительства женщин в органах управления.

Среди основных проблем становления гендерной культуры на постсоветском пространстве можно назвать: формальную декларацию гендерного равенства при отсутствии конкретных действий для его реализации (часто при этом проводятся единичные символические акции: назначение одной или двух женщин на руководящие должности в тех или иных структурах); преднамеренное умолчание о существовании гендерных проблем в обществе или открытое их непризнание; отсутствие осознания комплексного характера проблемы становления гендерной культуры; недостаточно развитую стратегию формирования гендерной культуры в образовательной сфере; поверхностный взгляд при определении наиболее острых гендерных вопросов; узость социальной базы, разрозненность и элитарный характер женских движений; недостаток поддержки процесса формирования гендерной культуры со стороны государства.

По нашему убеждению, гендерная эгалитарность является одним из основных принципов, на которых строится развитое гражданское общество. Уровень развития гражданской культуры в целом и гендерной культуры в частности тесно связаны между собой. Присутствие выраженной гендерной асимметрии в обществе и признание в качестве нормы гендерного неравенства несовместимы с гармоничным демократическим развитием гражданского общества. В связи с этим демократическая стратегия общественного развития должна включать в себя формирование гендерной культуры, основанной на адекватной гендерной картине мира и подразумевающей комплексный подход к решению гендерных проблем социума, начиная со сферы образования и заканчивая органами власти.

Литература

1. Булычѳв И. И. Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира // CREDO NEW: [Электронный ресурс]. 2004. № 1. URL: <http://credonew.ru/content/view/384/56/> (дата обращения: 20.12.2018).
2. Виноградова С. М. Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6 № 4. С. 53—67.
3. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. М.: ИД «Городец», 2016. 386 с.
4. Минделл А. Квантовый ум: грань между физикой и психологией. М.: Беловодье, 2011. 714 с.: ил.
5. Минделл А. Лидер как мастер единоборства (введение в психологию демократии): в 2 ч. М.: Институт психологии РАН, 1993. Ч. 2. 72 с.
6. Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008. 46 с.
7. Орлова Н. Х. Пол и гендерная картина мира // Слово и мысль в междисциплинарном пространстве образования и культуры: сб. ст. памяти проф. В. В. Шаронова (1930—2004). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 106—119.
8. Семѳнова Л. Э. Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3 (60). С. 143—147.
9. Канизарес Р. Кубинская сантерия: [жизнь и духовные традиции афро-американцев / Пер. с англ. Т. Доронишевой]. М.: ГРАНД: ФАИР-ПРЕСС, 2005. 192 с.: ил., табл.
10. Андрienko E. B. Гендерная картина мира как подсистема мировоззрения демократического общества // Научный потенциал. 2013. № 3 (12). С. 6—9.

Поступила после доработки 06.02.2019

Андрienko Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (83003, ДНР, г. Донецк, ул. Капитана Ратникова 26/24), elena_andrienko8@mail.ru

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), irina_gorbacheva@bk.ru

References

1. Bulychev I. I. "Obrazy maskulinnosti i feminnosti v formate gendernoi kartiny mira" (Masculine and Feminine Images in the Format of Gender Worldview). CREDO

NEW. 1 (2004). Web. 20 Dec. 2018. <<http://credonew.ru/content/view/384/56/>>.

2. Vinogradova S. M. Gosudarstvo, bezopasnost', suverenitet: mezhdunarodnye otnosheniya v zerkale feminizma (State, Security, Sovereignty: International Relations in the Mirror of Feminism), *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2010, T. 6 No. 4, pp. 53—67.

3. Mendelevich V. D. Psikhologiya deviantnogo povedeniya (Psychology of Deviant Behavior), M., ID "Gorodets", 2016, 386 p.

4. Mindell A. Kvantovyi um: gran' mezhdru fizikoi i psikhologii (Quantum Mind: The Edge between Physics and Psychology), M., Belovod'e, 2011, 714 p., il.

5. Mindell A. Lider kak master edinoborstva (vvedenie v psikhologiyu demokratii) (The Leader as Martial Artist: Deep Democracy), v 2 ch., M., Institut psikhologii RAN, 1993, Ch. 2, 72 p.

6. Ovcharova O. G. Gendernaya asimmetriya politiki: neinstitsional'nye i institsional'nye aspekty, avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk (Gender Asymmetry of Politics: Non-Institutional and Institutional Aspects, Extended Abstract of Doctoral Dissertation (Politics)), Saratov, 2008, 46 p.

7. Orlova N. Kh. Pol i gendernaya kartina mira (Gender and Gender Worldview), *Slovo i mysl' v mezhdistsiplinarnom prostranstve obrazovaniya i kul'tury, sb. st. pamyati prof. V. V. Sharonova (1930—2004)*, SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005, pp. 106—119.

8. Semenova L. E. (Semyonova L. E.) Soderzhanie osnovnykh modelei protsessa gendernoi sotsializatsii v sovremennom obshchestve (Content of Main Models of Gender Socialization in the Modern Society), *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2009, No. 3 (60), pp. 143—147.

9. Kanizares R. (Cañizares R.) Kubinskaya sante-riya: zhizn' i dukhovnye traditsii afro-amerikantsev (Cuban Santeria: Walking with the Night), Per. s angl. T. Doronichevoi, M., GRAND, FAIR-PRESS, 2005, 192 p., il., tabl.

10. Andrienko E. V. (Andriyenko O. V.) Gendernaya kartina mira kak podsistema mirovozzreniya demokraticeskogo obshchestva (Gender Picture of Peace as a Subsystem Outlook Democratic Society), *Nauchnyi potentsial*, 2013, No. 3 (12), pp. 6—9.

Submitted after updating 06.02.2019

Andriyenko Olena V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, professor at the Philosophy Department, Donetsk National University (26/24 Kapitana Ratnikova Street, Donetsk, 83003, Donetsk People's Republic), elena_andrienko8@mail.ru

Gorbacheva Irina M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, associate professor at Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), irina_gorbacheva@bk.ru